

— Кажется, когда я входил, сзади кто-то шёл. Просовываясь через стену, я краем глаза заметил — вроде бы монах, на поясе связка медных монет. Полагаю, сейчас он уже у ворот. — Сказав это, Цзян Шинин шлёпнулся головой на пол, и бумажный человечек затих.

На этом его сегодняшний лимит времени иссяк — до наступления темноты он не мог ни шевельнуться, ни вымолвить слово, разве что наблюдать со стороны.

Сюэ Сянь: ...

Монах следует за призраком — с какой стати?

Монах со связкой медных монет на поясе следует за призраком — что ему ещё нужно?

Такую важную вещь, болван ты этакий, не сказал сразу, приберёг на праздник?!

Будь у Сюэ Сяня в прежние времена, когда руки-ноги слушались, его буйный нрав, он бы отправил Цзян Шинина вместе со всем двором напрямик на небеса. Но сейчас он мог лишь с каменным лицом смотреть в оконную дыру, как ворота со скрипом распахнулись извне.

В наше время шарлатанов, кормящихся болтовнёй, пруд пруди, и Сюэ Сянь насмотрелся на них вдоволь. Он знал, что некоторые из них и вправду владеют парой жалких приёмчиков, но удача зависит от опыта. Так что чем старше шарлатан, тем труднее его провести.

Поэтому, когда монах за порогом переступил через него, Сюэ Сянь сначала слегка выдохнул с облегчением — пришелец оказался неожиданно молод. Было видно, что он не пустая оболочка, но и особой основательностью не отличался. А когда Сюэ Сянь своим острым зрением издали скользнул взглядом по медным монетам, висевшим у монаха, то и вовсе успокоился.

Чем больше у человека истинного мастерства, тем больше нечисти прошло через его медные монеты, и издали они сильно отличаются от обычных. На медной поверхности плавает слой чистого, яркого блеска, равномерно обволакивающий её, словно масляная плёнка. Хотя некоторые могут и подделать эту желтоватую блестящую плёнку не слишком чистоплотными способами, но это разве что глаза обывателя затуманит, на Сюэ Сяня же не подействует.

А вот молодой монах у ворот и подделывать-то не стал — на той связке монет у него на поясе не то что масляно-жёлтой плёнки, даже медное покрытие почти стёрлось. Неизвестно, откуда он их выкопал, возможно, ни разу как следует и не пользовался.

И с этим он собрался в люди выходить, на жизнь зарабатывать? На что рассчитывает? На лицо что ли?

Сюэ Сянь внутренне фыркнул, спокойно поставил коробку с едой и наложил заклинание сокрытия, превратив её в обгорелый деревянный чурбан.

Бесшумно откинувшись на спинку стула, его высокое худощавое тело мгновенно опало, в мгновение ока превратившись в прозрачный бумажный силуэт, только края были куда ровнее, чем у Цзян Шинина, и нарисован он был куда тщательнее, да и щёки не украшали два розовых кружка.

Цзян Шинин, бездыханно распластавшийся на полу и не могущий пошевелиться: ...

Отсюда видно, что этот тип, наверное, из породы черепах — стопроцентный гад.

Прозрачный бумажный силуэт, в который превратился Сюэ Сянь, легко соскользнул со стула на пол и улёгся рядом с бумажным силуэтом Цзян Шинина. Всего за миг оба силуэта, лежавшие на земле, опали ещё на один слой, превратившись в тёмно-зелёный мох, прилипший к поверхности земли, и окончательно слились с этим развалившимся домом, не оставляя ни малейшей зацепки.

Будь это ещё полгода назад, Сюэ Сянь и заниматься бы не стал такой морокой. Какой смельчак осмелился бы потревожить его пристанище — он бы на месте вырыл ему новую могилу. Но сейчас ему пришлось смирить гордыню и накладывать слой за слоем заклинания сокрытия.

Он, только-только с трудом оправившийся от полного паралича до полупаралича, даже сменить место ему было невероятно тяжело, да и это бумажное тело могло выдержать лишь ограниченное количество магии — хорошо ещё, что сам себе могилу не роет.

К счастью, на этот раз нагрянувший монах оказался пустым красавчиком, только лицо и продавать.

Он прикинул, что монах зайдёт, покрутится, обыщет всё внутри и снаружи, никого не найдёт и отправится восвояси.

Молодой монах в белой льняной рясе остановился посреди двора, холодным взглядом окинув округу.

Лечебница семьи Цзян изначально состояла из трёх главных покоев, трёх флигелей, сада с лекарственными травами и довольно просторной приёмной впереди. Дом был немаленький, но после пожара и трёх лет запустения теперь беглого взгляда хватало, чтобы всё окинуть...

Монах отвел взгляд, переступил через разбросанные на земле осколки камней и черепицы и направился напрямик к оставшейся половине западного флигеля.

Стоило ему переступить порог флигеля, как пальцы, спрятанные в рукаве, едва заметно согнулись. Он невольно провёл подушечкой большого пальца по поверхности медной монеты на поясе, затем, слегка нахмурившись, разжал руку.

Превратившийся в мох Цзян Шинин пристально следил за монашескими сандалиями, боясь, как бы тот, войдя, не прошёлся туда-сюда и не наступил на него поперёк. А вот Сюэ Сянь был совершенно беззаботен, ни капли не принимая этого монаха в расчёт.

Как и ожидалось, этот флигель, что конура ветхая, можно было окинуть одним взглядом. Монах даже не вошёл внутрь, лишь постоял немного у входа, затем развернулся и ушёл.

Сюэ Сянь в душе снова фыркнул.

Но не прошло и мгновения, как усмешка сошла с его лица... потому что монах вернулся!

Возвращался он уже с куском белой льняной ткани в руках — судя по материалу и размеру, это был оторванный от подола его собственной рясы. Так, через чистый кусок белого льна, он нёс выкопанный бог весть в каком углу двора кусок медного листа, с бесстрастным лицом подошёл к Сюэ Сяню, взметнул полу рясы, присел и буквально сковырнул Сюэ-мох с земли.

Сюэ Сянь: ...

Когда он сковырнул его, на его лбу явственно нахмурилась складка — если не ошибиться, это

было выражение лёгкого отвращения.

Сюэ Сянь: ...

Чтоб тебя, этот лысый монах ещё и брезгует, что он грязный!

Сюэ Сянь, считавший первую половину своей жизни способной «небо проткнуть, землю потрясти», вот так и был захвачен монахом, у которого была лишь красивая оболочка, и всё это стоило лишь клочка медного листа...

После того как монах скovyрнул оба куска мха, прошло не больше мгновения, как они вернулись в первоначальный вид, превратившись в два небольших бумажных силуэта человечков. Монах равнодушно скользнул взглядом по лицам на силуэтах, сложил их и убрал в поясную потайную сумку.

Сюэ Сяню даже не удалось выплюнуть бурлящую в сердце ярость, как его принудительно прижали к пояснице лысого монаха, вплотную, без малейшего зазора.

Если бы обида могла насмерть задушить человека, то Сюэ Сянь за время этого «обыска и водворения в сумку» успел бы умереть и воскреснуть раз двести. По натуре он был гордецом, только сам мог злить других, а чтобы другие злили его — ни за что; был он предком, не признающим ни приличий, ни рассудка. И вот на тебе, в этот раз по небрежности напоролся на гвоздь, в сточной канаве лодку перевернул.

Какой бы ни была изначальная причина, с этим лысым монахом он теперь свёл счёты.

Сюэ Сянь был непокорным, на мягкость поддавался, на жёсткость — нет. Будь у него сейчас в руках нож, он бы, не говоря ни слова, пырнул им монаха в поясницу, жаль только, привычки носить с собой мечи и ножи у него не было.

Этот монах с виду походил на ледяной столб, не общался с людьми и выражения не менял, но тело у него всё же было тёплым. Лёгкое тепло сквозь не слишком плотную белую льняную ткань понемногу просачивалось в бумажный силуэт.

Не прошло и мгновения, как Сюэ-силуэт полностью прогрелся: ...

Досадно!

И вправду досадно — для человека с нездоровым телом в холодную зимнюю пору капля тепла легче всего подрывает боевой дух, особенно для такого, как Сюэ Сянь, полгода провалявшегося в параличе. Меридианы не проходимы, ци и кровь не текут свободно, нынешнее его тело попросту не могло накопить много тепла, почти всю зиму он мёрз. И вот внезапно такое прогревание — и тело его раньше разума обленилось, даже шевелиться как-то не очень хотелось.

Сложенный вдвое Сюэ Сянь возмущённо полежал немного и наконец преодолел телесную лень, начав тайком ощупывать вещи в потайной сумке монаха.

Насчёт этого молодого монаха Сюэ Сянь по-прежнему не мог понять, глубокий он или мелководен.

Если говорить, что у него и вправду есть способности... то что это за способности — оторвать кусок белого льна, выковырнуть кусок мшистой земли? Даже голозадые дети, месящие грязь, и

то умеют! К тому же, человек с истинными способностями поднять клочок земли — дело одного движения пальца, не то что маленький кусочек — весь двор мог бы перевернуть, к чему было тащить ржавый медный лист и собственноручно ковырять?

А если говорить, что способностей у него нет... то как же он с одного взгляда разглядел все эти наслоения заклинаний сокрытия?

Сначала Сюэ Сянь ещё побаивался шума, движения его при ощупывании были мелкими и лёгкими, пользуясь удобством тонкости бумажного силуэта, их и вправду было нелегко заметить.

Но вскоре он постепенно перестал бояться, да и сдерживаться разучился. Потому что обнаружил, что лысый монах, похоже, до этой стороны дела не доходит — сквозь два слоя белой льняной ткани, обёртывавшие потайную сумку снаружи, он смутно услышал, как снаружи двора прибавилось шумных людских голосов, похоже, собралась кучка народу, неизвестно по какому делу.

— Ай... ты зачем по лицу бьёшь?! — Цзян Шинин, понизив голос, выдавил сквозь зубы несколько слов. По звуку было слышно, что его терпение по отношению к Сюэ Сяню уже на пределе.

<http://bllate.org/book/16289/1467732>